

Мы встретились с Борзыкиным после одного из концертов «Телевизора» в Калуге. Публика, пришедшая на выступление «самой злой группы из Ленинграда», была несколько озадачена своеобразным холодным саундом, свойственным «Телевизору», но вслушиваясь в тексты, оценила справедливость такого определения. Только это не совсем злость. Злой человек обычно не рассуждает о причинах, которые привели всех нас к нерадостному финалу, он просто, в худшем случае поет или начинает выписывать вокруг себя врагов. У «Телевизора» сквозит явная озабоченность и боль. Впрочем, это в полной мере присуще всем питерцам, разрабатывающим в своем творчестве социальную тематику.

Об этом мы и говорили с Михаилом Борзыкиным. Правда, не обо всем решились спросить, старались обходить острые углы, не влезая в политику.

— Миша, мы знаем о тебе мало. Давай с самого начала, как ты начал заниматься музыкой, как появилась группа?

— Группа собралась в 1984 году, я и мои друзья учились тогда на филфаке Ленинградского университета. Называлась она сначала «Озеро», играли арт-рок. Потом я и двое моих товарищей организовали свою группу и назвали ее «Телевизор». Вы, наверное, спросите, почему такое название?

Оно не было задумано как что-то глубоко-мысленное. Наоборот, нам понравилось, что слово само по себе нейтрально и не вызывает каких-то резких эмоций.

— Да, но песню о телевизоре вы исполняете отнюдь не нейтральную...

— О чем речь. Это не тот телевизор, к которому мы все привыкли.

— Как ты пришел к сегодняшней проблематике? Ведь ваш первый альбом не касался вплотную остросоциальных и политических тем или, во всяком случае, говорил о них более завуалированно...

— Да, там была поэзия. А вообще, что считать политикой? По-моему, политикой можно считать газеты, выступления нескольких политических деятелей. Если я пою о болевых точках без использования общественно-политической терминологии, это нельзя считать политикой. Мне так ка-

жется. Это очень расхожая точка зрения — все валить на политику.

— Какова конечная цель твоего творчества?

— Я думаю, что такой цели как таковой быть не может, потому что она ограничивает творческий процесс.

— Но кто-то пытается, например, изменить своих зрителей к лучшему?

— Хорошо бы. И мы чувствуем, когда попадаем в точку. Но это не основное. Самое главное — чтобы самим построить что-то внутри себя.

Михаил БОРЗЫКИН:

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ЯРЛЫКОВ»

Московский дневник. — Мюнхен. — 1992. — №3

— То есть вы не выступаете ради развлечения, собственного удовольствия?

— Ни в коем случае. На самом деле мы очень серьезные ребята. Нас даже иногда в этом обвиняют.

— Кто у вас пишет музыку?

— Мелодическую основу делаю я, все остальное делаем вместе. В результате песня иногда приобретает совершенно противоположный вид, чем задумывалось.

— А тексты тоже пишешь ты?

— Да. Иногда просто что-то долго накапливается, а потом вдруг выливается в песню. Это не проходит случайно. Скажем, строчка «твой папа — фашист». Я об этом долго думал.

Это тот редкий случай, когда задолго до того, как о фашизме и тоталитаризме заговорили в обществе в полный голос, предупреждение о существующей опасности прозвучало со сцены. Борзыкин выступил в роли своеобразного рок-пророка. Песня долго не литовалась. И после ее исполнения группе перестали предоставлять площадки для концертов, не пускали в Москву. Однако песня эта с огромной силой прозвучала все же на концерте, посвященном памяти Баплагачева, который прошел в Лужниках, вошла в альбом «Отечество иллюзий».

Сейчас «Телевизор» вместе с другими независимыми группами принимает активное участие в отечественном движении типа «Гринпис», совершая экологические поездки и выступая во время них с концертами.

Андрей ГУСЕВ